

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316.4

Теория взаимозависимости мобильности и расстояния С. Стауффера как основа для современных исследований миграции*

П. П. Лисицын, А. М. Степанов, Р. Р. Гибазов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Лисицын П. П., Степанов А. М., Гибазов Р. Р.* Теория взаимозависимости мобильности и расстояния С. Стауффера как основа для современных исследований миграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 4–16.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.101>

Настоящая статья анализирует научное наследие С. Стауффера — одного из основоположников миграционных исследований. Основная ценность его работ сегодня заключается не столько в полученных данных, сколько в сформулированных им вопросах о миграции, которые до сих пор остаются актуальными. В настоящей статье на примере исследования Стауффера обосновывается необходимость для современных исследователей обращаться к работам классиков миграционных исследований. Кроме того, в статье последовательно рассматриваются вопросы, на которые Стауффер пытался ответить в своих работах. Особое внимание уделяется тем из них, которые связаны с поиском релевантных источников данных для анализа миграционных процессов, рассуждениями Стауффера о субъектности мигрантов и о существовании различных стратегий миграционного поведения. Кроме того, статья предлагает анализ ключевых категорий исследования Стауффера: предполагаемых и реальных возможностей миграции. В заключение авторы выделяют (на основе анализа ключевых тезисов, выдвинутых С. Стауффером) те его выводы, которые и сегодня представляются актуальными для исследователей миграции. Кроме того, авторы описывают теоретическую рамку, предлагающую связь между мобильностью и расстоянием. Основываясь на ключевом тезисе настоящей статьи: утраченная ценность исследований С. Стауффера сегодня — это девальвация ответов на фундаментальные и прикладные вопросы миграции, но обретенная ценность — это ревальвация самих вопросов, поставленных им, — авторы

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 24-28-00467, <https://rscf.ru/project/24-28-00467>.

текста демонстрируют преемственность и эволюцию научной мысли о миграционных процессах с середины XX в. вплоть до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: миграционные стратегии, субъектность мигранта, миграционные возможности, междисциплинарность, миграционные теории.

История изучения миграции начинается с работ Э. Равенштайна (E. Ravenstein) [1–3] — английского исследователя немецкого происхождения (1834–1913). Проведенный им сравнительный анализ данных переписей населения Великобритании и США послужил методическим примером для экономистов, демографов, социологов и других исследователей миграции на многие годы вперед. Результаты его работ сформировали базу для фундаментального анализа миграционных процессов, а его попытка осмысления роли миграции в достижении общественного блага открыла возможность диалога по этому вопросу между научным сообществом, властью и широкой общественностью.

Именно после публикации статей Э. Равенштайна (с 1885 г.) данные демографических исследований различных лет и регионов становятся неотъемлемой частью эмпирической базы осмысления миграции [4–7]. Это касается и современного этапа анализа миграционных процессов, который сложно представить без использования демографических показателей. Однако сегодня (в отличие от конца XIX — начала XX в.) они являются лишь одним из многих видов необходимых для этой работы данных [8]. Использование переписи населения как единственного источника информации критичным образом сказывалось на выводах миграционных исследований. Работы Э. Равенштайна, если рассматривать как их результат выявленные закономерности миграции, а не поставленные новые вопросы, не являются исключением. Д. Томас¹ [7] в 1938 г., представив обзор миграционных исследований начала XX в., основанных на обработке демографических данных, следующим образом характеризовала их: «...большая часть недавних эмпирических исследований кажется банальной и неумелой... в них отсутствуют какие бы то ни было внятные обобщения» [9].

Вместе с тем, описывая тенденции этого периода, необходимо отметить эпизодическое появление работ, стоящих в стороне от общей исследовательской практики. Например, в обзор Д. Томас не попала совместная работа ее мужа У. Томаса (W. Thomas) и Ф. Знанецкого (F. Znaniecki) «Польский крестьянин в Европе и Америке» [10] (1918–1920) — этнографическое исследование, основанное на автобиографиях и личной переписке членов крестьянских семей. Не попала туда и работа Р. Парка (R. Park), Э. Бургеса (E. Burgess) и Р. МакКензи (R. McKenzie) [11], описывающая миграцию в контексте городского пространства, а также магистерская работа в будущем известного социолога Л. Вирта (L. Wirth) [12] о конфликтах в семьях мигрантов. В этих работах (написанных в основном представителями чикагской школы) использовались отличные от аналитики демографических данных методологические подходы. Однако их наличие в то время не сказывалось на общей тенденции изучения миграции. Различные методологии, начало создания которых пришлось на рубеж веков, начнут сближение лишь во второй половине

¹ Дороти Свэйн Томас (Dorothy Swaine Thomas; 1889–1977) — американский социолог, первая женщина-президент Американской социологической ассоциации (American Sociological Association, URL: <https://www.asanet.org/>).

XX в. с появлением новой экономики миграции [13]. До этого времени основную роль в миграционных исследованиях с точки зрения как массовости, так и влияния на политические и экономические программы национальных государств, будут играть ученые, ссылающиеся на Э. Равенштайна.

Таким образом, негативная оценка результатов миграционных исследований начала XX в., данная Д. Томас, с некоторыми допущениями выглядит оправданной и объясняется тенденцией использования данных переписей населения в качестве единственного источника информации. Возможности для изменения этой тенденции открываются в 1932 г. благодаря появлению проекта инвентаризации недвижимости столичного Кливленда, штат Огайо, США (RPI) и его руководителю Г. У. Грину². В задачи этого проекта входил сбор информации о численности, качестве жилья, объемах производства, розничной торговле и многих других социально-экономических аспектах жизни населения. Предложенная Г. Грином модель сбора данных [14; 15] годом позже распространилась на пригороды, а затем при финансовой поддержке банковских, коммунальных и деловых организаций и на весь округ Кайахога (штат Огайо, США). Новые собранные данные существенно расширили возможности исследователей миграции. Воспользовавшись информацией, предоставленной RPI, а также дополнив ее материалами переписей населения, профессор С. Стауффер (S. Stouffer) проводит расширенный анализ миграционного поведения, результаты которого в 1940 г. публикуются в журнале Американского социологического обозрения [16].

Неверно было бы утверждать, что работа С. Стауффера демонстрирует новый подход в исследовании миграционного поведения по сравнению с работами Э. Равенштайна или что результаты его исследований актуальнее для сегодняшней миграционной ситуации, чем результаты его предшественника. Однако если работы Э. Равенштайна считаются классикой миграционных теорий в силу того, что именно они положили начало научному осмыслению миграции, то исследование С. Стауффера занимает место в ряду значимых работ благодаря новым вопросам, возможность для постановки которых открылась в результате рассмотрения данных, представленных RPI. При этом само его исследование не лишено существенных для сегодняшнего дня недостатков. Так же как и Э. Равенштайн, он использует распространенную в то время методологию социальной физики, некритично работает со статистическими данными, делает попытки глобальных обобщений, в том числе претендуя на «скромное» звание первооткрывателя нового социального закона: «Если последующие исследования подтвердят жизнеспособность предварительных выводов, сделанных мной, — пишет Стауффер, — то есть скромная надежда на формулировку Нового Социального Закона» [16, р. 846]. Но, как и в случае Э. Равенштайна, рассматривая наследие С. Стауффера, верно было бы сказать, что утраченная ценность его исследований сегодня — это девальвация ответов на фундаментальные и прикладные вопросы миграции, обретенная ценность — это ревальвация самих вопросов, поставленных им. Эти вопросы сформулированы в его текстах как в классической вопросительной форме, так и в форме гипотез, а также могут быть заявлены в утвердительных формах, призывающих критиков произвести новый анализ данных и скорректировать построенные объяснительные модели.

² Говард Уиппл Грин (Howard Whipple Green; 1893–1959) — директор проекта инвентаризации недвижимости столичного Кливленда (Real Property Inventory of the Metropolitan District — RPI).

Они раскрываются и проявляются в его полемике с другими учеными, спрятаны в его выводах и в логических связях между тезисами. Таким образом, для анализа этих вопросов, их актуализации и демонстрации их влияния на последующие миграционные исследования авторы настоящей статьи предлагают общий анализ размышлений С. Стауффера о миграции, а также приводят примеры попыток использования его идей в современных исследованиях.

Первоначальные вопросы С. Стауффера

Даже если не относиться критично к результатам исследования С. Стауффера (как, к слову, он сам относился к ним, говоря о «неизбежности значительных неточностей») [16, р. 862], произошедшие с начала XX в. существенные изменения в мироустройстве, а также в теоретических и инструментальных подходах к изучению миграции делают закономерности, выявленные им, неприменимыми к современной реальности. Работа Стауффера, как и работа Равенштайна, должна интересовать современных исследователей миграции не благодаря выявленным в ней закономерностям, а за счет постановки вопросов о миграционном процессе, с одной стороны, развивающих объяснительные модели его предшественников, а с другой стороны, указывающих исследовательские направления для последователей.

Подобно тому как Э. Равенштайна к выявлению законов миграции подтолкнул вопрос У. Фарра³ «Существуют ли законы миграции?» [2, р. 167], размышления Стауффера [16] восходят к вопросу самого Равенштайна о том, существует ли влияние социальной географии на принятие решения о переезде [2]. «Пытается ли кто-то объяснить, — спрашивает Стауффер, — почему люди едут в определенное место?» [16, р. 845]; влияет ли фактор расстояния на перемещение населения [16, р. 846]; можно ли измерять расстояние не только в «единицах пространства, но также в единицах времени или стоимости» [16, р. 846]. Вот его исходные вопросы. Таким образом, фокусируясь на анализе взаимозависимости мобильности и расстояния, Стауффер конкретизирует вопрос, поставленный предшественником, разбивая его на ряд составных, каждый из которых в будущем найдет своих последователей и откроет возможности для новых исследовательских направлений.

Помимо вопроса о роли социальной географии в миграционных процессах, сформулированного Э. Равенштайном, причиной обращения С. Стауффера к анализу взаимозависимости мобильности и расстояния является наличие двух внешних факторов. Во-первых, это общественное мнение научного сообщества, считающего влияние расстояния на мобильность существенным. Не подтвержденные в то время фундаментальной теорией, эти суждения иллюстрировались разрозненными кейсами. «Недавно я слышал беседу двух профессоров, — приводит пример Стауффер, — один из которых рассказывал другому результаты исследования о причинах выбора студентами одного небольшого колледжа. Один просил другого угадать эту основную причину. Было предложено полдюжины вариантов. “Вы упустили самое важное, — был ответ, — это просто близость”» [16, р. 846]. Во-вторых, это неудачные попытки его коллег сформулировать фундаментальные теории,

³ Вильям Фарр (William Farr; 1807–1883) — британский эпидемиолог, один из основателей медицинской статистики.

объясняющие тенденции мобильности без использования фактора расстояния. «Распространенные сегодня, — пишет С. Стауффер в 1940 г., — объяснительные модели, фокусирующиеся на анализе push and pull⁴ факторов, вероятно, будут мало плодотворными до тех пор, пока в них не будет введен компонент расстояния» [16, р. 846]. Таким образом, основным результатом работы, по мнению самого автора, должна была стать демонстрация фундаментальных основ [16, р. 846], объясняющих очевидный для него факт взаимозависимости мобильности и расстояния. Оставляя за скобками критику его результатов, отметим, что в процессе поиска этих основ автор, часто неосознанно, формулирует вопросы, которые окажут существенное влияние на исследователей миграции, в том числе и сегодня.

Где взять данные для построения миграционных теорий?

На протяжении всей истории изучения миграционных процессов каждый исследователь, предпринимающий попытку сформулировать теоретические основы миграции, сталкивался с проблемой недостатка эмпирических данных. Как 150 лет назад (начиная с первой статьи Г. Равенштайна), так и сейчас исследователи пытаются устранить эту проблему, используя инновационные для своего времени способы. Сегодня ученые работают с большими данными, применяют технологии искусственного интеллекта и машинного обучения [17], обращаются к применению когнитивных карт и инструментов визуальной социологии [18]. С. Стауффер отличается от своих современников тем, что, столкнувшись с проблемой нехватки данных, он, не желая (подобно исследователям, раскритикованным Д. Томас [9]) отказываться от глобальных обобщений, попытался решить ее доступным на тот момент способом — привлечением дополнительных данных, ранее не используемых в исследованиях миграции. При этом уникальность подхода С. Стауффера к исследованию миграции объясняется не только внешними факторами (появлению благодаря RPI новых количественных данных), но и личным выбором ученого. Например, если социально-экономические параметры, которые он привлек к анализу миграции, были обнародованы только в 1935 [14] и 1936 [15] гг., а потому не могли быть применены его предшественниками, то привлеченные им психофизиологические данные были доступны с 1846 г. [19].

Использованные С. Стауффером дополнительные социально-экономические параметры представляли собой, во-первых, материалы уже упоминавшийся экспериментальной программы расширенного сбора данных о мобильности населения в Кливленде (1936 г.), где в виде таблицы, содержащей 321 ячейку, была представлена информация о конкретных семьях, участвующих в миграционных процессах [16, р. 848], а кроме того, новые экономические данные, собранные в 1935 г. городским управлением по инвентаризации недвижимости Кливленда, о стандартах проживания, стоимости покупки и аренды жилья, о районировании городского пространства и пр. [14]. Психофизиологические данные, использованные С. Стауффером, касались закономерностей человеческого поведения в целом, но он применил их для анализа миграционного поведения как его частного случая. Эти данные, использованные для построения объяснительных моделей перемещения людей

⁴ Факторы притяжения и выталкивания.

на определенные расстояния [16, p. 848], были основаны на психофизиологических экспериментах, проводившихся с 1834 г. Э. Вебером⁵ (E. Weber) [19], дополненных Г. Фехнером⁶ (G. Fechner) [20] и обобщенных в общем законе Вебера — Фехнера (Weber — Fechner Law), демонстрирующих логарифмическую зависимость между интенсивностью раздражителя и величиной субъективного ощущения, которую С. Стауффер положил в основу теории субъективного восприятия возможностей, влияющих на решение человека перемещаться на определенные дистанции.

Таким образом, используя в своем исследовании анализ классических данных, основанный на сопоставлении материалов переписей населения США различных лет, демонстрируя их зависимость от социальных и экономических характеристик жителей конкретного штата и применяя для построения объяснительных моделей перемещения людей методологию, базирующуюся на психофизиологических теориях, С. Стауффер впервые предлагает рассматривать миграцию как объект междисциплинарного изучения.

Вопрос о возможности междисциплинарного анализа миграционного поведения и в целом миграционных процессов сегодня (когда исследования миграции объединены в априори междисциплинарное направление migration studies) кажется тривиальным. Однако в конце XIX — начале XX в. применение в одном исследовании материалов различных наук для расширения эмпирических данных о миграции являлось новаторским. Работы большинства исследователей миграции того времени основывались исключительно на сопоставлении данных переписей населения [4]; менее обширная группа, представляющая чикагскую школу, часто игнорируя данные статистики, обращалась к антропологическим и этнографическим исследованиям [9–11]. Работа же С. Стауффера, поставив вопрос «Можно ли расширить понимание миграционных процессов за счет использования данных, собранных представителями разных дисциплин?», чуть позже обусловит повсеместное применение в миграционных исследованиях данных из психологии [21] и политической экономии [22], а затем и сближение двух направлений миграционных исследований: экономических и социологических.

Обладают ли мигранты субъектностью?

Еще одним отличием исследования С. Стауффера от исследований его современников, базирующихся на анализе push and pull факторов, является построение объяснительной модели миграционного поведения, основанной не только на сравнительном анализе показателей регионов — доноров и реципиентов, но и на восприятии этих показателей самими мигрантами. Размышления о субъективных представлениях мигрантов приводят С. Стауффера к постановке фундаментальных вопросов, существенно повлиявших на миграционные исследования его последователей: обладают ли мигранты субъектностью в миграционном процессе? и существуют ли стратегии миграционного поведения? Вопрос субъектности мигрантов проистекает из сомнения С. Стауффера в том, что «человек способен обладать одинаково подробными знаниями как о ближайших, так и о дальних возможностях»

⁵ Эрнст Хайнрих Вебер (1795–1878) — немецкий психофизиолог и, помимо прочего, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук.

⁶ Густав Теодор Фехнер (1801–1887) — немецкий психофизиолог.

[16, p. 848]. Между тем разница в уровне информированности способна оказать влияние как на принятие субъектом решения о переезде, так и на сам переезд. То есть субъектность мигранта для С. Стауффера объясняется и индивидуальной особенностью принятия решений, и характеристиками самого мигранта, например уровнем его информированности или обладанием определенными навыками.

В своем исследовании С. Стауффер рассуждает как об индивидуальной субъектности конкретного мигранта, так и о субъектности отдельных групп, участвующих в миграционных процессах. При этом определение групповой субъектности происходит вынужденно и в большей степени вызвано отсутствием эмпирических данных о конкретных людях. Например, он пишет: «...использование в исследовании таких интервалов, как классы... приводит к значительным неточностям... однако если бы были доступны более подробные данные, их можно было бы избежать» [16, p. 862]. Предположение о существовании индивидуальной субъектности в миграционных процессах С. Стауффер иллюстрирует примером двух стратегий поведения мигрантов на принимающей территории: «Члены этнической группы, — пишет он, — в своем поведении могут делиться на два типа, а именно на тех, кто следует тенденции движения внутри своей национальной группы, и тех, кто сознательно стремится отмежеваться от нее» [16, p. 866].

Вопросы о субъектности мигрантов и о существовании различных стратегий миграционного поведения станут ключевыми для теории наименьших усилий Г. Зипфа (G. Zipf) [21] и других теорий середины XX в., а ближе к концу столетия расширятся до вопроса о субъектности миграционных домохозяйств [23] и красной нитью пройдут через современные теории социального включения и исключения, интеграции и адаптации [24]. Таким образом, нельзя сказать, что С. Стауффер в своем исследовании продемонстрировал наличие субъектности у мигрантов или предложил систематизацию стратегий миграционного поведения, однако именно его рассуждения о взаимосвязи расстояния и мобильности открыли эти двери для будущих исследований.

Видят ли исследователи миграции и мигранты мир одинаково?

Обращение С. Стауффера к анализу взаимозависимости расстояния и мобильности вынуждает его операционализировать категорию расстояния, так как показатель географической удаленности места исхода от места прибытия не в полной мере отвечает его задаче построения объяснительной теории миграции. Принимая во внимание объективные показатели измерения расстояния, предложенные метрической (традиционной) системой, Стауффер дополняет их показателями социальными. Удаленность места исхода от места прибытия (фактического или предполагаемого) важно измерять не только географической, но и социальной удаленностью, включающей в себя экономические и политические факторы [16, p. 847]. При этом социальная удаленность может быть как объективным фактом, зафиксированным статистиками и прочими экспертами, так и субъективным представлением самого мигранта. Таким образом, С. Стауффер, в целом утвердительно отвечая на вопрос Э. Равенштайна о значимости показателей социальной географии для процесса мобильности, размышляет о следующем: определяют ли исследователи и мигранты, экономические и политические условия мест исхода и мест прибытия

одинаково? все ли участники миграционного процесса одинаково воспринимают условия мест исхода и мест прибытия? и, наконец, как воспринимается расстояние самими участниками миграционных процессов?

Для ответа на эти вопросы С. Стауффер вводит в анализ понятия предполагаемых возможностей (*apparent opportunities*) и реальных возможностей (*actual opportunities*) [16, p. 848]. Возможности, по его мнению, служат функцией расстояния [16, p. 847] и выявляются посредством сравнительного анализа социальных показателей (объективных или субъективных) региона исхода и региона прибытия. Схожесть или улучшение для мигранта этих показателей указывают на наличие возможностей, а ухудшение — на их отсутствие. Реальность этих возможностей определяется объективными показателями разницы между регионами (экономическими и статистическими данными), а предполагаемые возможности основаны на домыслах самого мигранта относительно этой разницы.

С. Стауффер считал, что уточнение социальных показателей должно быть проведено для каждого конкретного исследовательского случая отдельно. «Показатели наличия возможностей для работников в сельском хозяйстве Индианы, — пишет он, — будут совершенно другие, чем для них же в Техасе, они будут своеобразно отличаться для фотографов и медсестер, для неквалифицированных рабочих и негров-издольщиков... могут зависеть от пола и возраста» [16, p. 847]. При этом сам С. Стауффер, обладая ограниченным объемом данных, для исследования семей мигрантов в штате Огайо (США) выделил всего один показатель возможностей — наличие вакансии в регионе переезда: «Если человек переехал из одного места в другое, то ранее в новом месте должна была бы быть создана вакансия, которую он мог бы занять. Конкретную вакансию, которую он занял, или аналогичные вакансии, которые он мог бы занять, нужно называть возможностями» [16, p. 854].

При всех критических замечаниях относительно его исследования следует все же в очередной раз подчеркнуть, что именно с позиции сегодняшнего дня становится заметна ценность попытки С. Стауффера определить взаимозависимость между расстоянием и мобильностью, поскольку рассмотренные им в процессе анализа проблемы задали вектор миграционным исследованиям на многие годы вперед, позволив обратить внимание будущих исследователей на важные аспекты миграционного поведения. Вопросы Стауффера, связанные со значением для человеческой мобильности социальных показателей расстояния, а также с субъективными и объективными трактовками возможностей на местах исхода и прибытия, через 10 лет послужат основой для теории наименьших усилий [14], через 15 лет — подвергнутся конкретизации в работах нобелевского лауреата А. Льюиса (A. Lewis) [22], через 20 лет — будут переосмыслены в теориях Э. Ли (E. Lee) [25], еще позже будут применены в рамках новой экономики, описывающей трудовую миграцию [13], и станут краеугольным камнем теории миграционных рисков [26].

Заключение: проблема промежуточных возможностей

Ключевой тезис настоящего текста звучит следующим образом: ценность работ С. Стауффера — не в ответах, которые он дает, а в вопросах, которые он ставит и которые задают исследовательские рамки его последователям вплоть до текущего дня. Для современных исследователей должны представлять интерес не его

заклучения о специфике миграционного поведения и закономерностях миграционных процессов, не его формулировка «нового социального закона» [16, р. 846] (все это разбивается о произошедшие с 1940 г. изменения в мироустройстве и в самом понимании миссии научного знания), а выделенные из его текстов вопросы о миграции. Именно на их основе, переосмыслив оригинальный текст, можно сформулировать тезисы С. Стауффера, актуальные и сегодня:

1. Изучение миграции требует междисциплинарности как инструмента привлечения дополнительных данных о миграционных процессах.
2. Участники миграционных процессов обладают субъектностью.
3. Решение об участии в миграционном процессе принимается на основе анализа доступной человеку информации.
4. Субъектность мигранта приводит к существованию различных стратегий миграционного поведения.

При этом все аналитические обзоры миграционных теорий, ссылающиеся на С. Стауффера, описывают лишь его выводы, а кроме того, во многих русскоязычных обзорах допускается одна и та же ошибка — неверная трактовка ключевой категории исследования *intervening opportunities* [16, р. 856]. Большинство авторов определяют *intervening opportunities* как «все то, что мешает миграционному процессу» [27; 28]. В заключение настоящего текста мы попытаемся исправить эту ошибку и представить теорию С. Стауффера словами самого автора.

Теория промежуточных возможностей С. Стауффера описывает взаимосвязь между мобильностью и расстоянием, позволяющую ответить на вопрос «Почему люди перемещаются в одни места, а не в другие?» [16, р. 845]. Ответ на этот вопрос содержится в его размышлениях о том, как нужно измерять расстояние для миграции. Показатели расстояния делятся на два типа: традиционные (или метрические) и социальные. Под социальными показателями он понимает возможности (*opportunities*). Эти возможности являются функцией расстояния [16, р. 847] и определяются через сравнительный анализ параметров региона исхода и региона прибытия. Возможности бывают реальными и предполагаемыми [16, р. 848]. Реальные возможности — это объективная (статистическая) разница между регионами, предполагаемые — это мнимая (существующая в голове у мигранта) разница между ними. Вместе с тем, по мнению С. Стауффера, на расстоянии между регионом исхода и регионом потенциального прибытия (крупным промышленным центром) могут находиться сельскохозяйственные или производственные объекты, которые способны, так же как и крупный центр, привлечь к себе мигрантов за счет наличия собственных возможностей. Эти возможности Стауффер называл *intervening opportunities* [16, р. 856] — промежуточными возможностями (иногда переводятся как «вмешивающиеся обстоятельства» [27; 28]) — и считал, что функцию расстояния между регионом исхода и крупным миграционным центром следует вычислять с учетом совокупного количества возможностей [16, р. 847] между начальной и конечной точками, включая каждый следующий привлекательный для мигранта объект. Чем длиннее традиционное (метрическое) расстояние между точкой исхода и точкой потенциального прибытия, тем больше промежуточных объектов оно потенциально содержит. Основываясь на эмпирических данных, С. Стауффер приходит к выводу, что «количество людей, преодолевающих определенное расстояние, прямо пропорционально количеству возможностей на этом расстоянии и обратно

пропорционально количеству промежуточных возможностей» [16, р. 846]. Таким образом, утверждение, что промежуточные возможности мешают процессу миграции, не является результатом работы С. Стауффера; напротив, эти возможности, как и любые другие, описанные им, являются двигателем для процесса миграции, а для исследователей — важной частью объяснительной модели направлений миграционных потоков.

В дальнейшем С. Стауффер занимался переосмыслением идеи промежуточных возможностей и переработал созданную (и описанную в настоящей статье) в 1940 г. модель. Результат этой работы был опубликован в 1960 г. в статье «Промежуточные возможности и конкурирующие мигранты» [29]. Эта усовершенствованная модель рассматривала миграцию между двумя территориями как прямо пропорциональную количеству возможностей, доступных в зоне назначения, и обратно пропорциональную количеству промежуточных возможностей и конкурирующих мигрантов между точкой исхода и назначения. Пересмотренная Стауффером модель предполагает, что в течение заданного интервала времени количество мигрантов из города А в город В является прямой функцией количества возможностей в городе В и обратной функцией количества промежуточных возможностей между городами А и В, а также количества других мигрантов, претендующих на возможности в городе В.

Сам С. Стауффер отмечал, что его модифицированная модель намного лучше объясняет миграционные потоки. Среди наиболее комплексных исследований, использующих модель промежуточных возможностей, следует отметить работу 1985 г., описывающую исследование Р. Фреймейера (R. Freymeyer) и П. Ричи (P. Ritchey) [5, р. 420–421]. В этом исследовании авторы разделили множество возникающих для мигрантов возможностей по функциональным категориям (типы занятости), чтобы сравнить адекватность промежуточной структуры возможностей для нескольких различных распределений. Это было сделано, чтобы понять, сохраняет ли модель Стауффера свою объяснительную силу при различном распределении возможностей для разных групп мигрантов. В результате было выявлено, что модифицированная модель Стауффера неспособна объяснить все возникающие миграционные потоки, и авторами был сделан вывод о необходимости доработки этой модели [5].

Сегодня идеи С. Стауффера в том или ином виде сохраняются в поле миграционных исследований, примером чему могут служить работы Е. Фурфаро (E. Furfaro) и соавторов [6], а также Б. Лемоса (B. Lemos) и соавторов [8], в которых Стауффер описывается как один из классиков исследования миграции.

Литература

1. Ravenstein E. G. The Birthplaces of the People and the Laws of Migration. London: Kessinger Publishing, 1876. (Last ed.: 2010).
2. Ravenstein E. G. The laws of migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48, no. 2. P. 167–235.
3. Ravenstein E. G. The laws of migration // Journal of the Statistical Society of London. 1889. Vol. 52, no. 2. P. 241–305.
4. Fairchild H. P. Immigration: a world movement and its American Significance. New York: Macmillan, 1925.
5. Freymeyer R. H., Ritchey P. N. Spatial distribution of opportunities and magnitude of migration // Sociological Perspectives. 1985. Vol. 28, no. 4. P. 419–440. <https://doi.org/10.2307/1389227>

6. *Furfaro E., Castelletti F., Raftery A. E.* Bayesian estimation and projections of internal migration flows in Italy // International Population Conference 2021. 2021. P. 1–18. URL: <https://ipc2021.popconf.org/uploads/2111055> (дата обращения: 07.05.2024).
7. *Thomas D. S.* Research memorandum on migration differentials // Social Science Research Council Bulletin (New York). 1938. No. 43. P. 423.
8. *Lemos B. M., Nascimento F. A. C. do, Silva M. A. V. da.* Influence of the spatial distribution of jobs in intervening opportunities models // Transportation Research Record. 2023. Vol. 2677, no. 5. P. 1441–1454. <https://doi.org/10.1177/03611981221143374>
9. *Lively C. E.* Research memorandum on migration differentials: A report of the Committee on Migration Differentials // Journal of Political Economy. 1940. No. 48. P. 300.
10. *Thomas W. I., Znaniecki F. W.* The Polish Peasant in Europe and America: monograph of an immigrant group. Chicago: University of Illinois Press, 1996.
11. *Park R., Burgess E., McKenzie R.* The City: suggestions for the investigation of human nature in the urban environment. Chicago, 1925.
12. *Wirth L.* Cultural Conflicts in the Immigrant Family: Unpublished master's thesis, University of Chicago, 1925.
13. *Stark O., Bloom D.* The new economics of labor migration // The American Economic Review. 1985. Vol. 75, no. 2. P. 173–178.
14. *Green W. H.* Standards of living in the Cleveland Metropolitan District: Special Report of the Real Property Inventory of Metropolitan Cleveland. Cleveland, 1935.
15. *Green W. H.* Movements of families: Report of the Real Property Inventory of the Metropolitan District. Cleveland, 1936.
16. *Stouffer S. A.* Intervening opportunities: A theory relating mobility and distance // American Sociological Review. 1940. Vol. 5, no. 6. P. 845–867.
17. *Трезубова Н. Д., Стариков В. С.* Сетевые траектории идеологической радикализации транснациональных мигрантов: анализ современных исследований и подходов // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 50–64.
18. *Резаев А. В., Степанов А. М., Лисицын П. П.* Транснациональные мигранты в пространстве современного города // Социологическое обозрение. 2020. № 2. С. 254–275.
19. *Weber E. H.* Tastsinn und Gemeingefühl (repr. of 1846). Leipzig: W. Engelmann, 1905.
20. *Fechner G. T.* Elemente der Psychophysik. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1860.
21. *Zipf G. K.* Human Behavior and the Principle of Last Effort: An introduction to human ecology. Cambridge: Addison-Wesley Press, 1949.
22. *Lewis A.* The Theory of Economic Growth. London: Taylor & Francis, 1956.
23. *Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E.* Theories of international migration: A review and appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, no. 3. P. 431–466.
24. *Van Hear N.* Migration, displacement, and social integration. UNRISD Occasional Paper: World Summit for Social Development. No. 9. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development, 1994.
25. *Lee E. A.* Theory of migration // Demography. 1966. Vol. 3, no. 1. P. 47–57.
26. *Williams A. M., Balaz V.* Migration, risk, and uncertainty: theoretical perspectives // Population, Space and Place. 2012. Vol. 18, no. 2. P. 167–180.
27. *Василенко П. В.* Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 36–42.
28. *Яковлева Е. Б.* История и теории миграционных процессов // Теория и практика общественного развития. 2017. № 3. С. 20–23.
29. *Stouffer S. A.* Intervening opportunities and competing migrants // Journal of Regional Science. 1960. Vol. 2, no. 1. P. 1–26. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1960.tb00832.x>

Статья поступила в редакцию 25 октября 2023 г.;
рекомендована к печати 21 марта 2024 г.

Контактная информация:

Лисицын Павел Петрович — канд. социол. наук, доц.; fox_sociology@mail.ru
Степанов Александр Михайлович — канд. социол. наук, доц.; 9160001@inbox.ru
Гибзатов Роман Русланович — аспирант; gibzaza@yandex.ru

S. Stauffer's theory of the interdependence of mobility and distance as a basis for modern migration studies*

P. P. Lisitsyn, A. M. Stepanov, R. R. Gibazov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Lisitsyn P. P., Stepanov A. M., Gibazov R. R. S. Stauffer's theory of the interdependence of mobility and distance as a basis for modern migration studies. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 1, pp. 4–16. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.101> (In Russian)

This article analyzes the scientific legacy of S. Stouffer, one of the founders of migration studies. The main value of his work lies not so much in the data he received, but in questions he formulated about migration, which still remain relevant. The article substantiates the need for modern researchers to refer to the works of the classics of migration studies, and consistently examines the questions that S. Stouffer tried to answer in his works. Particular attention is paid to data sources for the analysis of migration processes, S. Stouffer's arguments about the subjectivity of migrants and the existence of various strategies of migration behavior, as well as the concepts of "assumed" and "real" migration opportunities are analyzed. In conclusion, the article formulates the main theses that seem relevant to migration researchers today, and also describes a theoretical framework that suggests a connection between mobility and distance. Basing on the key thesis of this article that: "the lost value of research with Stouffer's today is the devaluation of answers to fundamental and applied questions of migration, but the acquired value is the revaluation of the very questions posed by him", the authors of the text demonstrate the continuity and evolution of scientific thought about migration processes from the middle of the 20th century up to the present day.

Keywords: migration strategies, migrant subjectivity, migration opportunities, interdisciplinary, migration theories.

References

1. Ravenstein E. G. *The Birthplaces of the People and the Laws of Migration*. London, Kessinger Publishing, 1876. (Last ed.: 2010).
2. Ravenstein E. G. The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 1885, vol. 48, no. 2, pp. 167–235.
3. Ravenstein E. G. The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 1889, vol. 52, no. 2, pp. 241–305.
4. Fairchild H. P. *Immigration: a world movement and its American Significance*. New York, Macmillan, 1925.
5. Freymeyer R. H., Ritchey P. N. Spatial distribution of opportunities and magnitude of migration. *Sociological Perspectives*, 1985, vol. 28, no. 4, pp. 419–440. <https://doi.org/10.2307/1389227>
6. Furfaro E., Castelletti F., Raftery A. E. Bayesian estimation and projections of internal migration flows in Italy. *International Population Conference 2021*, 2021, pp. 1–18. Available at: <https://ipc2021.popconf.org/uploads/211055> (accessed: 07.05.2024).
7. Thomas D. S. Research memorandum on migration differentials. *Social Science Research Council Bulletin (New York)*, 1938, no. 43, p. 423.
8. Lemos B. M., Nascimento F. A. C. do, Silva M. A. V. da. Influence of the spatial distribution of jobs in intervening opportunities models. *Transportation Research Record*, 2023, vol. 2677, no. 5, pp. 1441–1454. <https://doi.org/10.1177/03611981221143374>

* The article was prepared within research project of the Russian Science Foundation (RSF) no. 24-28-00467, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00467/>.

9. Lively C.E. Research memorandum on migration differentials: A report of the Committee on Migration Differentials. *Journal of Political Economy*, 1940, no. 48, p. 300.
10. Thomas W.I., Znaniecki F.W. *The Polish Peasant in Europe and America: monograph of an immigrant group*. Chicago, University of Illinois Press, 1996.
11. Park R., Burgess E., McKenzie R. *The City: Suggestions for the investigation of human nature in the urban environment*. Chicago, 1925.
12. Wirth L. *Cultural Conflicts in the Immigrant Family: unpublished master's thesis*. University of Chicago, 1925.
13. Stark O., Bloom D. The new economics of labor migration. *The American Economic Review*, 1985, vol. 75, no. 2, pp. 173–178.
14. Green W.H. Standards of living in the Cleveland Metropolitan District. *Special Report of the Real Property Inventory of Metropolitan Cleveland*. Cleveland, 1935.
15. Green W.H. Movements of families. *Report of the Real Property Inventory of the Metropolitan District*. Cleveland, 1936.
16. Stouffer S.A. Intervening opportunities: A theory relating mobility and distance. *American Sociological Review*, 1940, vol. 5, no. 6, pp. 845–867.
17. Tregubova N.D., Starikov V.S. Network trajectories of the ideological radicalization of transnational migrants. *Peterburgskaia sotsiologiya segodnia*, 2018, no. 10, pp. 50–64. (In Russian)
18. Rezaev A.V., Stepanov A.M., Lisicyn P.P. Transnational migrant in the Urban space. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2020, no. 2, pp. 254–275. (In Russian)
19. Weber E.H. *Tastsinn und Gemeingefühl* (repr. of 1846). Leipzig, W. Engelmann, 1905.
20. Fechner G.T. *Elemente der psychophysik*. Leipzig, Breitkopf und Härtel, 1860.
21. Zipf G.K. *Human Behavior and the Principle of Last Effort. An introduction to human ecology*. Cambridge, Addison-Wesley Press, 1949.
22. Lewis A. *The Theory of Economic Growth*. London, 1956.
23. Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and Development Review*, 1993, vol. 19, no. 3, pp. 431–466.
24. Van Hear N. *Migration, displacement, and social integration. UNRISD Occasional Paper: World Summit for Social Development*. No. 9. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development, 1994.
25. Lee E. A theory of migration. *Demography*, 1966, vol. 3, no. 1, pp. 47–57.
26. Williams A.M., Balaz V. Migration, risk, and uncertainty: theoretical perspectives. *Population, Space and Place*, 2012, vol. 18, no. 2, pp. 167–180.
27. Vasilenko P.V. Foreign theories of migration. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, 2015, no. 16, pp. 36–42. (In Russian)
28. Yakovleva E.V. History and theory of migration processes. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2017, no. 3, pp. 20–23. (In Russian)
29. Stouffer S.A. Intervening opportunities and competing migrants. *Journal of Regional Science*, 1960, vol. 2, no. 1, pp. 1–26. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1960.tb00832.x>

Received: October 25, 2023

Accepted: March 21, 2024

Authors' information:

Pavel P. Lisitsyn — PhD in Sociology, Associate Professor; fox_sociology@mail.ru

Alexander M. Stepanov — PhD in Sociology, Associate Professor; 9160001@inbox.ru

Roman R. Gibazov — Postgraduate Student; gibzaza@yandex.ru